DOI 10.47643/1815-1337_2020_11_13

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ (НЭП) ДЛЯ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ ГРУППЫ «А» В ДОВОЕННЫЕ ГОДЫ

КУЗНЕЦОВ Евгений Викторович,
доктор технических наук, профессор, Генеральный директор АО «НИИ «Полюс» имени М.Ф. Стельмаха».
E-mail: bereg@niipolyus.ru;
ХУСНУЛИН Равиль Камильевич,
кандидат педагогических наук, докторант Санкт-Петербургского государственного экономического университета, депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации.
E-mail: khusnulin@duma.gov.ru;
МАЛАШКИНА Ольга Фёдоровна,
старший преподаватель Департамента инновационного менеджмента в отраслях промышленности Института космических технологий Инженерной академии Российского университета дружбы народов.
E-mail: romanova_of@mail.ru;
ЕРМАКОВ Дмитрий Николаевич,
доктор политических наук, доктор экономических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор Департамента инновационного менеджмента в отраслях промышленности Института космических технологий, Инженерной академии Российского университета дружбы народов, заведующий аспирантурой АО «НИИ «Полюс» имени М.Ф. Стельмаха».
E-mail: dermakow@mail.ru;
ПОПОВ Григорий Германович,
кандидат экономических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории актуальной истории Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) при Президенте Российской Федерации.
E-mail: popov-gg@ranepa.ru

Краткая аннотация. *В статье авторы рассматривают влияние Новой экономической политики (НЭП) на индустриальное развитие СССР в довоенные годы.*

Abstract: *In the article, the authors consider the impact of the New economic policy (NEP) on the industrial development of the USSR in the pre-war years.*

Ключевые слова: *социализм, НЭП, экономическое развитие, промышленное развитие, индустриализация, коллективизация.*
Keywords: *socialism, NEP, economic development, industrial development, industrialization, collectivization.*

Современная Россия так же, как и в далекие двадцатые годы XX столетия, нуждается в проведении новой экономической политики и модернизации. Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин сказал: «Сейчас самая главная наша задача экономической политики – восстановить уровень занятости, дать людям возможность работать, зарабатывать, обеспечивать свои семьи». Президент России В.В. Путин добавил, что задача восстановления рынка труда в 2021 году должна быть выполнена. Путин уточнил, что для роста занятости и доходов людей нужно использовать все инструменты, в том числе возможности федерального бюджета.[1]

В результате Октябрьской революции в России произошла долгосрочная ценовая трансформация, и это было вызвано не только обычной для военного времени инфляцией. Поменялась институциональная матрица, что и отразилось на ценовой ситуации в стране даже после завершения основного этапа послевоенного восстановления. До некоторой степени «мистерией» истории советской экономики является взлет безработицы в СССР в 1923 - 1925 гг., на пике процесса послевоенного восстановления, чего не было в капиталистических странах, которые, к тому же, пережили послевоенную рецессию в 1920 - 1921 гг. Ю.П. Бокарев объясняет рост безработицы институтами советского общества: «Если исключить первые два года новой экономической политики, когда безработица была вызвана массовым закрытием, то все последующее время безработица создавалась не производственной конъюнктурой, а сельской миграцией в города, массовыми чистками служащих и части интеллигенции, а также разорением мелких предпринимателей, которым из-за их социального положения часто отказывали в приеме на работу. Поэтому, наряду с большим числом безработных, в стране было немало свободных рабочих мест для квалифицированной рабочей силы. В этих условиях нельзя говорить, что рынок труда в СССР уменьшался в связи с ростом производства и увеличивался в связи с промышленными кризисами, как на Западе. Борьбе с безработицей ВКП(б) уделяло большое внимание. В результате многие государственные предприятия уже в середине 20-х гг. страдали от излишка рабочих рук [19 с. 30]». Как показывают сводные данные по биржам труда в СССР, от безработицы в одинаковой мере страдали как интеллигенция, так и рабочие, доля интеллигенции среди 1,3 миллиона безработных в 1924 г. составляла 35% [11 с. 28], что немного, если учитывать, что после Первой мировой войны в России упал спрос на труд представителей гуманитарных профессий, что потребовало от многих из них пройти переквалификацию. Главной причиной роста безработицы среди интеллигенции в разгар НЭПа была не политическая и социальная дис-

[1] https://www.gazeta.ru/business/news/2020/07/16/n_14678101.shtml (Дата защиты: 20.10.2020)

криминация, но сама трансформация экономики.

Мы утверждаем, что наряду с дискриминацией и волной сокращений рабочих мест в 1922–1923 гг. у безработицы в СССР имелся и другой фактор – искусственно завышенная оплата труда в промышленности, которая оказалась выше, чем до 1914 г. В 1923 г. СССР был охвачен волной стачек рабочих, требовавших повышения оплаты труда. Высшее руководство страны фактически не пошло на выполнение этих требований, ограничившись только занижением цен на промышленную продукцию, что означало повышение реальной заработной платы, но при этом увеличивалась интенсивность труда (кампания по повышению производительности труда 1924 г. [20 Л. 24]). Весной 1925 г. в связи с повышениями нормы выработки СССР был снова потрясен серией стачек [20 Л. 24]. Одной из причин недовольства рабочих был рост стоимости жизни из-за обесценивания червонца [20 Л. 26]. В том же документе (прокламация по «Рабочему вопросу»), который распространяла по стране оппозиция, указываются цифры, вычисленные профессиональными хозяйственниками, в 1926 г. заработная плата достигла фактически уровня 80-85% от довоенного уровня. Политбюро в своем докладе об итогах работы народного хозяйства СССР во втором квартале 1926 г. отметило, что средняя оплата труда по стране достигла 86,4% от довоенного уровня, но в базовых отраслях эта пропорция оказалась еще меньше: «зарплата горняков составляет только 60,8% довоенной, металлистов 74,1%, в жел. дор. транспорте 74,6% [20 Л. 31]». Правда, упоминается, что советские статистические органы брали за основу определения заработной платы до 1914 г. данные фабричных инспекций Российской империи, что, как уже тогда утверждалось, было некорректно, так как трудовые инспекции вели свою статистику только по уволенным и оштрафованным за нарушения трудовой дисциплины рабочим [20 Л. 31]. К тому же, фабричные инспекции существовали не при всех предприятиях, на предприятиях же, где были инспекции, трудились до Первой мировой войны от 65 до 70% всех рабочих Российской империи.

Годовая реальная заработная плана в России в 1913 г. составила 216 рублей при номинальной оплате труда 263,6 рублей. По сравнению с 1900 г., реальная зарплата в России выросла только на 11,7%, что было вызвано инфляционными всплесками периода Русско-японской войны и Революции 1905 - 1907 гг., а также бумом 1912–1913 гг. Исследованиями уже в имперский период было доказано, что рабочий мог содержать семью только при заработке 400–500 руб. в год, при 240–250 руб. в год (зарплата большинства рабочих) семью завести было практически невозможно, молодые рабочие часто проживали в казармах при заводах.

Из-за введения в период Гражданской войны натуральных методов оплаты труда, а также прочих экспериментов большевиков нам сложно определить реальную зарплату в 1918–1921 гг. Считалось, что до введения червонца в СССР исчисление реальной зарплаты было достаточно осложнено, как и сравнение номинальной оплаты труда с довоенной и дореволюционной. Зарплата в конце Гражданской войны исчислялась в товарных рублях, эта единица расчет сохраняла свою актуальность для статистики практически до конца 1924 г. Затем статистика все-таки смогла пересчитать советские рубли в российские 1913 г. Получилось, что довоенный уровень оплаты труда в СССР был достигнут в конце 1926 г.

Большевики рассматривали возврат к довоенному уровню оплаты труда уже в разгар НЭПа, как крупное достижение своей политики. Но при этом советский рабочий получал ту же заработную плату за меньшее количество отработанных часов, нежели его коллега в имперский период, поскольку рабочий день сократился в среднем по стране с 8,5 часов в 1921 г. до 7,46 - в 1928 г. В 1913 г. средний рабочий день длился на заводах и фабриках 10 часов.

Численность рабочих достигла довоенного уровня в СССР только в конце 1926 г., в том же году производительность в рублях на одного рабочего превысила показатель 1913 г. на 66%. За десятилетие с 1917 по 1927 гг. за счет интенсификации труда увеличение валовой продукции составило 81% от уровня 1913 г. и на 77% на одного рабочего в 1927 г. от уровня 1913 г. При этом общий фонд затраченных в промышленности трудочасов снизился почти на четверть, по сравнению с 1913 г. Но питание и жилищные условия российских рабочих оказались в период НЭП заметно хуже, чем в 1913 г. Стоимость валовой продукции цензовой промышленности составила в 1913 г. 10 251 млн. руб. в ценах 1926 г., когда в 1927 г. этот показатель составил 12 679 млн. руб. Столь незначительный прирост стоимости валовой продукции произошел из-за Первой мировой и Гражданской войн, восстановление после которых фактически началось не ранее последнего квартала 1922 г.

Если мы берем 1922 г., как базовый год, когда началось восстановление, то мы увидим другую результативность НЭП. Стоимость валовой продукции цензовой промышленности в 1922 г. составила всего лишь 2 619 млн. руб. Таким образом, по этому показателю ежегодный прирост составлял примерно 2 млрд. руб. В 1930 г. стоимость валовой продукции крупной промышленности СССР составила 27477 млн. руб. в ценах 1926 г., то есть с 1928 г. прирост шел примерно по 5 млрд. руб. в год.

Советский рабочий трудился меньше, давал продукции больше, чем его российский коллега до Октябрьской революции. Правда, в 1927 г. произошло замедление прироста производительности труда, она составила 11%, по сравнению с 1926 г., когда в 1926 г. этот показатель был 31%, по сравнению с 1925 г. (за базовый брался 1913 г.) Но прирост производительности труда в 1927 г. был в любом случае выше, чем в 1921–1923 гг. Остается не совсем понятным, почему калорийность пайка советского ра-

бочего все-таки не вышла на уровень 1913 г., если принимать во внимание, что реальная среднемесячная зарплата стала в начале Первой пятилетки равняться 27,8 руб. 1913 г.

Если принять во внимание, что 11% прироста производительности труда – это был для заката НЭП уже предельный показатель, то принятые до 1927 г. меры по интенсификации труда (например, увольнение за минутное опоздание на работу) уже не приносили ощутимо большого эффекта. При удержании роста производительности труда, выраженной в доле стоимости валовой продукции промышленности на одного рабочего, сохранение долгого НЭП вполне могло дать 132% проста выпуска промышленной продукции на одного рабочего к началу Второй мировой войны, по сравнению с 1927 г., но при условии, что прирост объема капитала в промышленном производстве оставался бы тем же, как и прост оплаты труда должен был оставаться тем же, в противном случае следовало ожидать резкого спада мотивации, и, еще одним условием должно было бы стать то, что численность рабочих оставалась бы той же, что и в 1927 г.

Прирост оплаты труда был с 1926 по 1929 г. незначительным, по 1,1-1,3 рубля в год, что отражало политику государства, направленную на сдерживание роста оплаты труда в городах после кризиса конца 1925 г. То есть, прирост реальной зарплаты (в ценах 1913) составлял в конце НЭП – начале Первой пятилетки менее 4% в год, что заметно ниже прироста валовой продукции на одного рабочего в 11% в год. Но стоимость валовой продукции промышленности после 1927 г. стала более заметно расти по факту, как мы показали выше, хотя прирост рабочей силы до 1930 г. был еще не столь заметным *(табл. 1).*

Таблица 1

Динамика численности персонала в промышленности (1925-1929 гг.). Составлено по: [21 с. 109]

Год	1925/1926	1926/1927	1927/1928	1929
Численность рабочих и служащих. Цензовая промышленность	2 678,0	2 838,6	3 033,3	3 365,9
Нецензовая промышленность (разграничений между рабочими и служащими не проводилось)	427,0	422,8	408,2	278,7

Из данных, приведенных в *табл. 1,* следует, что до трети прироста рабочей силы в цензовой промышленности, очевидно, дал переход туда работников из нецензовых производств, что было вызвано сворачиванием НЭП уже в административном порядке. Работать на нецензовых предприятиях было выгоднее для многих рабочих, что подтверждается незначительным снижением численности занятых там вплоть до 1929 г. Численность рабочих и служащих в сельском хозяйстве уменьшилась очень незначительно к 1929 г., поэтому промышленность, мы можем сделать вывод, слабо пополнялась персоналом за счет миграции из деревни в город, что принципиально отличает характер роста пролетариата в Российской империи начала XX в. от того, что имело место в этой сфере в 1920-е гг., и только в Первую пятилетку возобновляется массовый приток трудовых мигрантов из сел в городские центры.

В 1929 г. происходит резкое снижение численности переменно-поденных рабочих в городах, в предыдущем году их было 421,4 тыс. чел., но стало 310 тысяч чел. [21 с. 93] Ухудшение условий частнособственнических предприятий на фоне ужесточения условий труда на государственных предприятиях вынудили многих представителей этой страты пролетариата (в народе их называли «зимогорами» либо «шабашниками») пойти работать на цензовые предприятия. Таким образом, переменно-поденные рабочие и работники с нецензовых предприятий дали в 1929 г. основную долю увеличения численности рабочих и служащих цензовой промышленности, остальной прирост шел за счет вступивших во взрослую жизнь выходцев из семей рабочих и служащих, и лишь малая доля пришлась на трудовых мигрантов из сел. Очевидно, что после 1924 г. за счет естественного прироста населения в городах и перераспределения рабочей силы между городскими сегментами экономики и шел прирост численности рабочих и служащих в цензовой промышленности в среднем на 10% в год. Это может только отчасти объяснить колоссальный рывок в росте стоимости валовой промышленной продукции в СССР в 1928–1930 гг. К тоже, к 1928 г. численность персонала цензовой промышленности уже не могла в той же мере, что и раньше, пополняться за счет естественного прироста городского населения, безработных, а также лиц из других сегментов.

Принимая во внимание, что до 1930 г. капиталовложения в промышленность были не столь значительными, чтобы говорить о росте капитала, как переломном факторе развития экономики в конце 1920-х гг. (см. ниже), то все-таки остановимся на рабочей силе, как возможном факторе скачка в росте стоимости валовой промышленной продукции в 1927–1929 гг. К 1928 г. произошел прирост численности рабочих в каменноугольной и коксовой промышленности до 254 000 чел., когда в 1925 г. там было 157 000 рабочих. Очевидно, прирост пришелся на время не ранее лета 1926 г. из-за кризиса 1925 г., к 1931 г. в этой отрасли численность рабочих увеличилась на 104 000 чел. [21 с. 100], то есть чуть больше, чем за период с 1925 по 1928 гг. Причина такого прироста численности горных рабочих – это снижение доли самозанятых, рабочих нецензовой промышленности и

безработных в общей структуре работоспособного населения, которое не прекратилось с началом Первой пятилетки на фоне того, что заработная плата на шахтах хронически с 1925 г. отставала от уровня отраслей, занятых производством товаров массового потребления и от средней зарплаты по стране *(табл. 2),* хотя, надо отметить, что рост оплаты труда на добыче каменного угля все-таки был, что должно было иметь значение для лиц, не имевших средней и высокой рабочей квалификации. В металлургии зарплата рабочего превысила средний по стране уровень (только зарплаты пролетариата) в 1926 г., и эта тенденция сохранялась и в начале Первой пятилетки *(табл. 2).* Таким образом, в 1926 г. наступает процесс отказа от уравниловки между отраслями народного хозяйства, что уже было заложено в период отказа от революционных принципов определения оплаты труда, которые действовали в Гражданскую войну под давлением ультралевых сегментов партии.

Таблица 2

Среднемесячная оплата труда по отраслям народного хозяйства, руб. Составлено по: [21 с. 109]

Отрасль / год	1924	1925	1926	1927	1928	1929	1930	1931
Вся промышленность	39,23	47,53	53,74	64,07	70,24	77,06	82,59	95,76
Каменноугольная	38,29	42,86	53,87	59,34	63,27	68,81	76,47	94,47
Добыча руд	33,55	41,97	50,82	57,59	62,56	65,86	74,33	87,53
Металлургия	34,27	46,13	58,42	68,79	75,61	83,82	88,30	103,00
Пищевкусовая	41,32	48,16	55,75	60,89	68,06	74,43	74,71	82,25
Бумажная	40,13	45,23	53,12	60,23	67,04	75,53	82,50	92,1

Специалисты в начале 1930-х гг. критиковали советскую политику в сфере оплаты труда, что она не соответствовала принципу, что более тяжелый, чем в среднем по народному хозяйству труд, должен и оплачиваться соответствующим образом. Советское руководство само понимало пагубность такого явления, как более низкая, по отношению к среднему уровню, оплата труда в горнорудном комплексе и металлургии, которые являлись определяющими в экономическом развитии любой страны того времени. В четвертом квартале 1931 г. в этой связи прошла новая тарифная реформа, которая продолжила, по сути, те же тенденции, что уже действовали после окончания Гражданской войны – уничтожение уравниловки в оплате труда между отраслями народного хозяйства, то есть, происходил поворот к капиталистической модели оплаты труда, но только без рыночного механизма. Например, в 1913 г. в металлургии Российской Империи средняя зарплата рабочего была на 40% общероссийской средней заработной платы [21 с. 110].

Нам невозможно практически в рамках одной статьи провести анализ влияния капиталовложений и повышения оплаты труда для всех отраслей народного хозяйства СССР в 1920-е гг., поэтому мы ограничимся угледобычей, как наглядным примером влияния капиталовложений на прирост производства. Исследование специалистами-современниками показало в свое время, что расширение механизации в угледобыче давало в 1920-е гг. понижающий эффект в расчете объема добычи в среднем на одного работника *(табл. 3).*

Таблица 3

Результаты механизации добычи антрацита на шахтах Донбасса (добыча антрацита). Составлено по: [22 с. 211-230]

	1917	1921/22	1926	1927	1928
% механизации к общей добыче	3,0	3,3	33,2	44,50	55,80
Выработка на 1 рабочего за месяц (тонн)	7,5	—	11,3	11,48	12,44

Механизация шахт повысилась к 1926 г. в 11 раз, по сравнению с 1917 г., но мы не видим столь же пропорционального прироста добычи антрацита [22 с. 211 - 230]. Объемы залежей антрацита не могли истощиться к 1927 г., принимая во внимание спад добычи в Донбассе в конце 1917–1922 гг., но более высокая зависимость роста добычи антрацита от интенсификации труда просматривается. Ту же ситуацию мы видим на примере нефтедобычи в СССР в 1920-е гг. *(табл. 4).*

Таблица 4

Добыча нефти, выработка бензина и объемы капиталовложений в нефтяную промышленность СССР (1923–1930 гг.) [22, с. 140]

	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30
Капиталовложения, руб.	75	107	147,4	191	219,3	231,3	306,0
Добыча, млн. т	6	7	8,2	10,2	11,5	13,6	17,2
Выработка бензина, млн. т	---	0,35	0,53	0,7	0,85	1,23	1,76

Поясним, до 1914 г. бензин в России производился в очень малом количестве, в Гражданскую войну произошел упадок этого молодого тогда производства. При этом бензин являлся в 1920-е для СССР в основном экспортным товаром, значит, имевшим высокое стратегическое значение. В этой связи в 1922 - 1923 г. выпуск бензина стал во многом новым производством в СССР, требовавшим особых капиталовложений. Крупные затраты на новое строительство в нефтяной отрасли СССР стал делать в 1928–1929 гг., до этого инвестиции шли в основном на реконструкцию и расширение старых мощностей [22, с. 140]. В 1925 г. в нефтяной промышленности СССР были заняты 60 тыс. чел., в 1929 –74 тыс. чел., прирост рабочей силы оказался не столь значительным, как в угледобыче, но темпы отдачи от капиталовложений, как мы видим, не были также столь значительными.

Капиталовложения в советскую крупную промышленность до конца 1920-х гг. имели мало смысла, если речь не шла о новых производствах, например, о выпуске бензина (спрос на него внутри советской экономики был низким), так как производственные мощности не были загружены из-за дефицита рабочих рук (точнее персонала соответствующих квалификаций) и сырья. Одна из причин, тормозившая приток рабочих рук из деревни в города, была массовая безграмотность сельской молодежи, что затрудняло быстрое освоение ею новых специальностей (надо было потратить перед этим время на обучение чтению). Поэтому рост стоимости валовой продукции промышленности СССР надо относить за счет увеличения трудозатрат и интенсификации труда на фоне незначительного прироста стоимости основных фондов в промышленности, которая составила в 1925 г. 8105 млн. руб., что на 15 млн. руб. больше, чем в 1920 г. [23, с. 130] Таким образом, увеличение объемов физического капитала без увеличения численности квалифицированных кадров, в принципе, было лишено смысла в Первую пятилетку и предшествовавшие ей три – четыре года. В этой связи рост мотивации труда имел особый смысл. Расширение капиталовложений после 1925 г. не дало крупного прироста стоимости основных фондов в промышленности, она составила в 1929 г. 11 115,7 млн. руб. [24]

Итак, в СССР в период НЭП существовала уникальная ситуация, когда в наращивании капитала не было смысла. Инвестиции делались в основном в восстановительные работы (незначительные изменения в этом смысле происходят только после 1925 г.). Тем не менее, можно построить производственную функцию Кобба-Дугласа для советской экономики интересующего нас периода, спроецировав эту модель на 1930-е гг., принимая допущение, что народное хозяйство продолжало развиваться в рамках долгого НЭП, только с той разницей, что наем дополнительного персонала после 1929 г. уже был практически невозможен, кроме замены уже выбывших с производства по естественным причинам. Мы рассматриваем только промышленность, ниже, в следующем разделе, мы перейдем уже к чисто макроэкономическому моделированию долгого НЭПа с использованием полученных здесь результатов.

Функция Кобба-Дугласа после ее создания в 1928 г. много раз модернизировалась, мы берем ее в общем виде: $y = A L^{a1} K^{a2}$, где L^{a1} – затраты капитала с соответствующей отдачей a1, K^{a2} – затраты труда с коэффициентом производительности труда, A – эффект от факторной производительности, на самом деле, это – коэффициент, показывающий эффект как от факторов внутренней, так и внешней среды анализируемой хозяйственной системы, иногда его называют показателем технологического эффекта, или эффекта от НТП; y – это показатель выпуска.

В нашем случае y – стоимость валовой продукции промышленности (куда мы не включаем нецензовые предприятия), L^{a1} – затраты на оплату труда по цензовой промышленности, K^{a2} – накопленная стоимость капитала в промышленности. Нам надо вычислить коэффициенты отдачи от капитала и производительности труда, нам известны значения капитала и труда из советской статистики для всей промышленности в период НЭПа *(табл. 5).*

Таблица 5

Основные показатели промышленного развития в период НЭПа. Составлено по [21, 23, 24]

	1923	1924	1925	1926	1927	1928
Производственные фонды, стоимость	7969	8016	8105	9108,5	10004,2	11115,7
Затраты на персонал, зарплата, млн. руб.	590	1200	1900	2208	2569	3220
Стоимость валовой продукции промышленности	4700	5600	7739	8400	12 679	17500

Расчеты функции Кобба-Дугласа с применением логарифмирования дали следующий результат:

1) $\ln Y = 4{,}06 + 0{,}72 \ln L - 0{,}04 \ln K$ или:

2) $\mathbf{Y = 57{,}97 * L^{0{,}72} * K^{-0{,}04}}$

Таблица 6

Долгий НЭП, показатели в млн. руб.

	1929	1930	1931	1932	1933	1934	1935	1936	1937	1938
Производственные фонды, стоимость.	12227	13450	14795	16275	17902	19692	21661	23827	26210	28831
Затраты на персонал, зарплата, млн. руб.	3864	3941	4020	4100	4182	4266	4351	4438	4527	4618
Стоимость валовой продукции промышленности	32331	32839	33575	34094	34747	35500	36018	36782	37277	38077

Таким образом, в 1938 в нашей гипотетической модели стоимость валовой продукции СССР должна была составить чуть больше 38 млрд. руб., но при условии отставания прироста оплаты труда от прироста капитала в пять раз. По факту валовая продукция СССР достигла в 1938 г. 106,1 млрд. руб. 1925 - 1926 гг. Полагаем, что при долгом НЭП рынок труда к 1930 г. должен был бы стать насыщен предложением рабочих рук, «вливания» в промышленность более пяти миллионов рабочих рук из рядов сельской молодежи, разумеется, никогда не состоялся бы. Прирост оплаты труда колебался бы около отметки 2% в год, принимая во внимание выбытие работников промышленных предприятий по старости, а также замещение труда капиталом (пример нефтяной отрасли в период НЭП в этом смысле показателен). Наращивание капитала выше отметки 10% в год было невозможно, что показали кризисы 1925 и 1927 гг. Снижение рыночных цен на сельскохозяйственную продукцию не могло быть значительным, поскольку рост сельского населения намного опережал рост городского, что при низкой норме миграции из деревни в город вело бы к увеличению потребления аграрной продукции в селе. Даже если представить ситуацию, что механизация сельского хозяйства снизила бы цены радикально, то это просто привело к росту миграции из сел в города, что вело бы к замедлению роста оплаты труда в промышленности, если принимать во внимание сохранение элементов рынка в отношениях между советскими работником и работодателем в условиях долгого НЭП.

Из всего вышесказанного вытекают следующие выводы. НЭП был моделью экономической политики, похожей на начальный этап военного коммунизма, который сам по себе стал гибридом социального эксперимента и ответом на вызовы военной ситуации, правда, по времени этот ответ оказался запоздалым. До середины 1920-х гг. мы не наблюдаем в СССР признаков плановой экономики, военный коммунизм провалился в основном из-за отсутствия бюрократического механизма планового хозяйства с присущими ему контрольными цифрами и т.п. Плановое хозяйство в СССР сформировалось, как ни странно покажется, именно в рамках НЭП, а не военного коммунизма.

Индустриализация в СССР стала возможной после насыщения рынка труда достаточным количеством рабочих рук за счет естественного прироста городского населения и выхода оплаты труда в базовых отраслях промышленности на уровень начала XX в. До этого наращивание капитала не могло дать эффекта, чем и объясняется замедление накопления в советской экономике в 1920-е гг. Таким образом, рост промышленного выпуска, если исходить из функции Кобба-Дугласа применительно к НЭП, был в полной зависимости от роста затрат труда и его производительности. Снижение темпов роста промышленного производства в нашей контрфактической модели долгого НЭП в 1930-е гг. показывает, что рост промышленности за счет увеличения стоимости капитала на 10% (только промышленный капитал) и незначительного прироста затрат на труд мог дать эффект, но экономика в 1930-е гг. была в таком случае обречена на «застойный» характер развития. Но это не говорит в пользу того, что к 1928 г. НЭП исчерпал себя полностью, до 1930 г. эта модель экономического развития советского общества вполне могла успешно функционировать. Мы не исключаем вариант мягкого перехода к индустриализации и ограниченной коллективизации, как альтернативы сталинским пятилеткам, в таком случае нормы прироста капитала в промышленности и затрат на труд оказались бы выше, нежели в нашей модели.

Наша модель предварительно показала, что высокая эффективность «долгого» НЭП была возможна при длительном поддержании роста оплаты труда на уровне более 15% в год, что было невозможно, так как это привело бы к резким диспропорциям в распределении национального дохода в пользу рабочих, что сократило бы возможности государства для увеличения капиталовложений, так как такой рост оплаты труда в долгосрочном периоде привел бы к инфляции, что продемонстрировал кризис 1925 г.

Библиография:

1. Попов Г.Г., Давыдов С.Г. Точки бифуркации и проблема общественного выбора: на примерах политики С.Ю. Витте, судьбы СССР в период НЭПа и первых шагов индустриализации // Вестник истории, литературы, искусства / [гл. ред. И.Х. Урилов]: Отделение ист.-филол. Наук РАН. М.: Собрание. Т. 12. 2017. С. 82-95.
2. Попов Г. Г., Суховский А. М. Войны и упущенные шансы модернизации России в первой половине XIX века // TERRA ECONOMICUS. 2011. Т. 9. № 3. С. 50-65.
3. Абалкин Л.И., Петраков Н.Я., Григорьева В.Ю. НЭП и хозрасчет. М.: Экономика. 1991. 336 с.
4. Белов Ю. Страна перед грозой. Советская Россия. № 58 (12677). 2005. URL: \\ http://www.sovross.ru/2005/58/58_3_3.**htm**
5. Tauger M. B. The 1932 harvest and the famine of 1933. Slavic Review 50, Spring 1991. PP. 70-89.
6. Smirnov S. Economic Fluctuations in Russia (from the late 1920s to 2015) // Russian Journal of Economics. Volume 1, Issue 2, June 2015, Pages 130-153.
7. Попов Г.Г. Индустриализация и развитие ОПК СССР в Первую пятилетку в «координатах» эпохи мировых войн // Гуманитарные науки в Сибири. 2018. №1. С. 25-31.
8. Нуреев Р.М., Латов Ю.В. Поиск пути развития Советской России: бифуркации и альтернативы 1918 – 1928 гг. // JOURNAL OF ECONOMIC REGULATION (Вопросы регулирования экономики). Том 4, №3. 2013. С. 7-25.
9. Романенко В.Я. Государственные сельские хозяйства в условиях НЭПа и сталинской модернизации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 7(69): в 2-х ч. Ч. 1. С. 140-142.
10. Юдина Т.И. Привлечение иностранного капитала в советскую экономику в период НЭПа // Власть. №7. 2009. С. 132-134.
11. Юдина Т.В., Булатов В.В. Иностранный капитал и трудовые ресурсы в Нижнем Поволжье в 1920-1930-е гг. // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4, Ист. 2014. № 3 (27). С. 26-34.
12. Яхутль Ю.А. Кризисы НЭПа: второй кризис новой экономической политики 1925 г. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 3 (13). С. 64-68.
13. Турицын И.В., Холодный М.А. Собственность и эффективность: аграрные альтернативы эпохи НЭПа // Вестник Чувашского университета. 2015. № 4. С. 167-172.
14. Ульянова О.А. Быть или не быть НЭПу: экономические дискуссии 1920-х гг. // Экономический журнал. 2015. Т. 37, № 1. С. 169–176.
15. Есикова М.М., Никулкин П.В. Кооперация в годы революций и военного коммунизма // Вестник ТГТУ. 2013. Том 19. № 4. С. 914-921.
16. Дианова Е.В., Рубин В.А. Государственно-правовое регулирование заготовительной деятельности кооперации в период «военного коммунизма» // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2012. № 6(38). С. 256-259.
17. Булатов В.В. Резонансные концессионные предложения периода военного коммунизма (1919 – 1920 годы) // Известия Саратовского университета. 2012. Т. 12. Сер. История. Международные отношения, вып. 2. С. 104-110.
18. Хазиев Р.М., Хазиева М. А. Государственная экспроприация продуктов питания в деревне эпохи «военного коммунизма» // Liberal Arts in Russia. 2018. Vol. 7. No. 1. С. 72-80.
19. Бокарев Ю.П. НЭП: завершающая стадия. Соотношение экономики и политики: Сборник статей М.: Изд. центр Ин-та рос. истории РАН, 1998. – 269 с.
20. РГАСПИ Ф.82, Оп.2, Д.185.
21. Полляк Г.С., Хейнман С.А. Народное хозяйство СССР // Экономико-статистический журнал. Партиздат. Москва. № 7-8, 1932, с. 92-117.
22. Дволайцкий Ш.М. (гл. ред.). Энциклопедия советского экспорта. Том 2. Москва: Государственное словарно-энциклопедическое издательство "Советская Энциклопедия", 1932. - 586 с.
23. Арутюнян А.А., Маркус Б.Л.. Развитие советской экономики. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1940. - 666 с.
24. Черноморский М. Н. Промышленность СССР в 1928- 1929 годах // Вопросы истории. 1975 URL: www.hist.msu.ru/Labour/Journal 2/chernomorsky.rtf